

С одной стороны, происходит *этизация проблемы насилия* через образование понятийной дихотомии «насилие — ненасилие», продуктивной только во взаимном определении через противопоставление; с другой — наблюдается *политизация концепта*, которая отсылает к сомнительной дилемме узурпации свободной воли автономного новоевропейского субъекта в результате политических действий, сопряженных с утверждением власти. При этом теряются глубинные онтологические смыслы феномена насилия, сопряженные с понятием «сила», а также затеняется его философско-антропологическое измерение. Мы различаем *насилие, принуждение* как *властное управление*, предполагающее определенную степень свободы и субъективации человека, и *силу*, оставляя за последней статус родового абстрактно-всеобщего понятия.

Сила понимается нами как «полюс активности» (Фуко), *возможность действия* или *действие во всем множестве проявлений*, направленное на *сохранение субъекта, его целостности и свободы*; в этом измерении можно рассматривать все феномены властного управления — от политического до воспитательного.

Насилие нами определяется как индивидуальное или групповое объективирующее и принуждающее воздействие на другого/других, ведущее к деструкции, нарушению автономности, свободы и целостности субъекта, вплоть до его уничтожения.

Глава 2. Сила, ненасилие и прекращение насилия¹

Моя задача в этой главе заключается в том, чтобы, одновременно анализируя различные аргументы в пользу оправданного насилия в русских текстах и текстах на западных языках, сконструировать возможный *минимальный ответ* на насилие ([не]сопротивление?) или описать, что могло бы быть оправданным (или необходимым, или легитимным) *противонасилием*.

Предложенный вариант такого применения силы, которое будет правильным, своевременным и минимальным по размерам, предполагало бы удовлетворение двум гипотетическим требованиям. Первое, мы исходим из того, что размышления русских философов перед началом и во время Первой мировой войны (а это было сто лет назад) о войне и силе являются на самом деле лучшей моделью, которую в теории насильственного действия создали восточное христианство и русская философия². Второе, эта модель должна быть способна конкурировать с уже существующими проблемами и аргументами, которые сегодня, прежде всего в англосаксонском мире, называют «этикой войны» или «этикой (не)справедливо ведомой войны».

Слова «противонасилие» и «ненасилие» очень редко используются в текстах и книгах упомянутых русских философов³. На это существует

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01165).

² Я готов утверждать, что, например, позиция Л.Н. Толстого, которую сложно конструировать с точностью и последовательностью, решительно определяет отношение к насилию этих философов. Неопределенность в вопросе, действительно ли совет Толстого не причинять насилия нужно считать «христианским», универсально ли приемлемо и поэтому необходимо «непротивление злу насилием» (эта формулировка появляется уже в 1908 г., в «Законе насилия и законе любви») становится регулятивной моделью каждого возможного акта насилия.

³ Толстой также не употребляет слово «ненасилие». Синтагма non-violence в настоящее время широко используется в английском и французском языках. «Насилие» (Gewalt, violence) — термин, который на сегодняшний день употребляется в этом контексте, и у которого в настоящий момент есть определенное преимущество над такими терминами, как «сила», «мощь» или «власть», в случаях, когда речь идет о оправдании или легитимизации (насилия) или когда темой становится отношение к праву («насилие и право»). Хотя у Паскаля, Спинозы или Руссо сила или мощь имеют преимущество над словом «насилие» в контексте права, у Канта, Якоби и Гегеля слово Gewalt принципиально связано с правом (Recht) или с источником права. Кант в своих лекциях настаивает, что без насилия право невозможно институционализировать (...dass ohne Gewalt kein Recht gestiftet werden kann) (Лекции по метафизике морали по конспектам *Вигилантия*) (А. А. Т. 27. С. 515) или что

несколько причин. Основной причиной является попытка избежать определенной традиции, которую отстаивал Л.Н. Толстой и его теория о неприменении силы¹, то есть неприменения «насилования» (он употребляет именно это слово). Насилие Л.Н. Толстой определяет как акт или деятельность, направленные в сторону лица, которое их не принимает или не желает. И.А. Ильин и С.Л. Франк насилеи разумеют, как и Л.Н. Толстой, в качестве голой атакующей силы, поэтому насилеи никогда не может быть оправданным². В этом смысле противостояние насилею (нападению) может называться исключительно силой и оно должно отличаться от насилия. Если насильник нападает, покоряет, презирает, то сила, которая ему противостоит (или сила, с которой ему сопротивляется праведник), его на самом деле останавливает, прерывает, отталкивает, умиротворяет, в этом смысле такая сила должна пониматься парадоксально — как ненасильственная и не носящая в себе насилования.

Это, по сути, стилизация и реконструкция ключевой идеи Л.Н. Толстого о нахождении совершенно другой и новой силы («Теперь время сознания этой силы»)³. А именно сопротивление сторонникам Л.Н. Тол-

в контексте внешней справедливости надо начать с установлением меры достаточного насилия (...die Erichtung einer gnugsamen Gewalt) (*Kant I. A. A. T. 21. Рефлексия 7957. С. 564*). Тем не менее иногда, особенно когда речь идет о § 28 Критики способности суждения Канта, термин Gewalt не переводится как насилеи. На русский язык Gewalt переводится как власть, а на английский как dominion или dominance. Также см.: *Гусейнов А.А. Понятия насилия или насилия // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 35–41*. Аналогичный этимологический анализ предложен и в первой главе нашей коллективной монографии.

¹ У текста «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1890–1893), который Л.Н. Толстой первоначально намеревался печатать в качестве предисловия к русскому переводу Non-resistance catechisme христианского пацифиста Адина Баллоу, было два альтернативных названия, которые автор вычеркнул в своем черновике: «О непротивлении злу насилеи, о церкви и об общей воинской повинности» и «Учение христианское не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».

² Кроме того, Ильин и Франк, юристы по образованию, предпочитают слово «сила» (force; Macht) (хотя перевод слова Macht словом «сила» совершенно необычен) и таким образом отдают дань одной очень сложной традиции юридических текстов, темой которых было отношение силы и права. Эта традиция начинается в середине XIX в. и длится до Веймарской республики. См.: Lassalle F., 1863; Stinzing R. von, 1876; Heiling A., 1880; Merkel A., 1881; Binder J., 1921; Stammler R., 1925; Darmstachter M., 1926; Hansel P., 1930. Макс Шеллер в своей знаменитой книге, написанной в 1915 г., видит, возможно, ключевое различие между Macht и Gewalt: «Сила (Macht) также представляет собой еще и дух. В отличие от насилия (Gewalt), чья природа глупа, мертва и сведена на физическое». См.: *Scheler M. Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg. Leipzig: Verlag der Weissen Bücher, 1915. С. 10*.

³ Это предложение находится в самом конце небольшой рукописи «О насилии», написанной, кажется, в начале 1960-х гг., и где мы находим несколько интересных идей, позднее или не развитых, или включенных с искажениями и потерями в другие размышления Л.Н. Толстого о насилии. Кроме первого определения силы, связи насилия и справед-

стого, оказываемое Ильиным и Франком (и не только ими)¹, явилось последствием очень точного и детального прочтения его текстов в первоисточнике. Сопротивление наследникам Л.Н. Толстого или «духу времени», окрашенному различными позициями Л.Н. Толстого и «псевдо-Толстого»², парадоксально включает в себя некоторого «исконного» Толстого в теории (не)сопротивления насилею и нахождении силы (позднее Л.Н. Толстой так или иначе настаивает на том, что это любовь), которая должна навсегда отложить и преодолеть насилеи³. Точнее, создается впечатление, что взгляды Л.Н. Толстого, сформированные в разных фазах его творчества, гармонично вписались в новое мышление о войне и силе и таким способом регулируют этику праведного применения силы.

Я не уверен, что возможно последовательно представить позицию Л.Н. Толстого, но во всяком случае можно перечислить некоторые его идеи, узнаваемые в этих текстах, тематизирующих войну и насилеи. Л.Н. Толстой сначала призывает отнестись к войне, то есть к крайнему насилею, со всей серьезностью и тематизировать войну как феномен (хотя он слишком быстро приходит к заключению, что «цель войны — убийство»). В третьем томе «Войны и мира» он пишет: «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходи-

мости, идеи о насилии большинства над меньшинством в рамках общества (которая с вариациями появляется и позднее) Толстой вводит в употребление идею универсальности, «общей справедливости» («общая идея справедливости включает в себе идеи общей свободы и равенства и отсутствия насилия»). Толстой когнитивно, предшественник Джона Ролса: «Достижение общей идеи справедливости, и совершенное[е] уничтожение насилия, следовательно, возможно бы было тогда, когда бы все человечество в одно время имело одну и ту же идею». «Иметь идею» — это эпистемическое предприятие. Для того, чтобы достичь «согласия человечества», и зная, что «идея передается насилеи и словом» (это очень интересно и всегда под вопросом), Толстой настаивает, что развитие идеи общей справедливости нужно реализовать «уничтожением насилия посредством насилия» и книгой, «книгопечатанием» (обе эти идеи позже были совершенно забыты). Здесь скрывается ответ на вопрос, как Толстой борется против насилия: словом, написанием и публикацией текстов и книг.

¹ «...Эта группа морализующих публицистов неверно поставила вопрос и неверно разрешила его». См.: *Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. С. 9*.

² Например: «...Перевернуть раз и навсегда эту «толстовскую» страницу русской нигилистической морали». См.: *Демидов И. Творимая легенда // Ильин И.А. Pro et Contra. С. 566*. Polemica Ильина с Бердяевым на самом деле является дискуссией о значении идей Толстого в первые годы после революции.

³ Внимательное чтение Толстого Ильиным и его острая критика все же делает возможным следующий вывод: «Нет сомнения, что граф Л.Н. Толстой и примыкающие к нему моралисты совсем не призывают к такому полному несопротивлению ...напротив, их идея состоит именно в том, что борьба со злом необходима...». См.: *Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. С. 16*.

мость». Затем Л.Н. Толстой ставит под сомнение известную и тривиальную идею о том, что общество основано на насилии, и делает это двумя способами: утверждая, что насилие не может стать средством соединения людей (насилие разъединяет), и что насилие создает ложное единство, «подобие справедливости», то есть подобие общества.

В тематизации насилия ни до ни после Л.Н. Толстого мы не находим такую специфическую связь между жизнью и насилием. «Жизнь, построенная на началах насилия, дошла до отрицания тех самых основ, во имя которых она была учреждена»¹. Толстой пытается освободить жизнь от насилия или найти «силу жизни», которая не может основываться на насилии. Он высказывает две новые мысли в отношении власти и связи власти и насилия (гораздо раньше Мишеля Фуко): первая, что «основа власти есть (всегда) телесное насилие»; и вторая: «но ведь властвовать значит насилловать, насилловать значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие, и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает насилие; следовательно, властвовать значит делать другому то, чего мы не хотим, чтобы нам делали, т. е. делать злое»². В конце концов, последняя операция Толстого, которая будет иметь различные последствия на дальнейшую историю «не-насилия», заключается в переносе силы (силы жизни)³ из внешнего мира во внутренний мир каждого человека, в индивидуальное. «(Т)от, кто чувствует достаточно силы в самом себе ...не станет прибегать к насилию»⁴.

Какая эта сила и как описать такую силу (противонасильственную силу или силу, сопротивляющуюся насилию)? Как ее оправдать, и может

¹ См.: Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание. М., 1992.

² Там же.

³ В «Исповеди» Л.Н. Толстой пишет: «Я ищу веру, силы жизни, а они ищут наилучшего средства исполнения перед людьми известных человеческих обязанностей. И, исполняя эти человеческие дела, они и исполняют их по-человечески», т. е. с применением насильственных методов. См.: Т. 7. С. 105.

⁴ Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 205. Не/насилие — это сила в понимании Ганди и Симоны Вайль. Толстой, к сожалению, не объясняет, как эта сила, которую он зовет любовью, действует перед лицом насилия другой стороны и как она принимает насилие (Эммануэль Левинас позднее разовьет эту сцену и добавит к ней новый протокол — за насилие другого надо мной я на самом деле также несу ответственность). Во всяком случае, Толстой напрасно приписывает эту «экономия насилием» исключительно христианству или православию. К примеру, в Талмуде существуют различные фрагменты, в которых любовь превращает врага в друга, или где нужно кормить врага. См.: Kimelman R. Non-Violence in Talmud // Judaism. 1968. Vol. 17. № 3. P. 316—334. Кроме того, Толстому постоянно недостает терпения проверить свою «теорию», детально отвечая на различные примеры, которые подразумевают срочное применение силы: «насильственное предотвращение попытки самоубийства», «применение силы ради защиты жертвы от нападения» или известный пример убийства ребенка в письме Эрнесту Хауарду Кросби от 12 января 1896 г.

ли тот, кто ее применяет, делать это этично и безошибочно (Ильин говорит иногда о «негреховном нанесении несправедливости»)? Вероятно, более точное объяснение оправдания или попыток оправдания применения силы в качестве ответа на насилие, как и описание «природы» самой силы (тут я прежде всего имею в виду сферу ее влияния, а не технику ее применения, хотя она тоже достойна обсуждения), прояснили бы положение, в котором находятся актеры этого театра (насильник, который должен остановиться, и объект насилия, который должен не только остановить насилие, но и сам остановиться перед насильником).

Оправдание, под условием, что оно успешно, превращает силу в противонасильственную силу. Какова связь между «оправданием силы» (а только оправданная сила не является насилием) и противостоянием или сопротивлением? Всегда ли эта связь подразумевается?

Причина или оправдание или легитимация силы не являются синонимами (или не находятся в синонимии). Х. Арндт, к примеру, утверждает, что насилие [*violence* или *Gewalt*] может быть легитимным, но не оправданным, а Л. Карсавин говорит, что сила может быть необходимой, но не оправданной¹. Если мы временно забудем о различиях между «оправданной силой» и «оправданным насилием» (насилие по определению атакующее и агрессивное и не может быть оправданным или необходимым в контексте русского или православного понимания насилия), то можем доказать, что сила, являющаяся противонасильственной — в этом смысле безразлично, является ли она оправданной или нужной — подразумевает универсальный протокол, которого придерживаются все стороны конфликта.

В тексте «Идейное оправдание войны» (1914) Семен Франк берет на себя тяжелое задание (это его слова) составить «идейное оправдание войны», объективное и моральное: «Оправдать войну значит доказать, что, если она ведется во имя правого дела, то она обусловлена необходимостью защитить или осуществить в жизни человеческой какие-либо объективно-ценные начала. Но «объективно-ценные» значит: ценные обязательно для всех... Оправдать войну можно, лишь приведя такие аргументы, с которыми противник *обязан* был бы согласиться»².

Протокол «противонасилия» как «оправдания силы» должен иметь какие-то постоянные характеристики. Во-первых, насилие всегда на самом деле противонасилие, т. е. насилие на самом деле уже представляет

¹ См.: Карсавин Л. Церковь, личность и государство. Прага, 1927. Николай Лосский также не признает протокол оправдания (допустить как необходимость — не значит оправдать).

² Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне / Ред. И. С. Даниленко. М., 2005. С. 404, 408.

собой ответ на насилие (каждый, кто прибегает к насилию, утверждает, что на самом деле отвечает на насилие, которое уже совершилось). Во-вторых, основная идея «противонасилия» заключается в прекращении всякого возможного насилия (противонасилие поэтому есть последнее, конечное насилие), в осуществлении чего-то совсем нового (прекращение всего старого, несправедливости и предшествующих ей видов несправедливости; эта цель оправдывает и делает возможной последнюю несправедливость). И в-третьих, необходимой частью протокола становится полемика и обращение к противникам «противонасилия», сопротивляющимся любому ответу на насилие (обычно это относится к разным формам «толстовства»).

Как прекратить насилие или войну и существует ли что-нибудь в самом насилии (или «противонасилии»), что может остановить продолжительность насилия?

Аналогично, или, точнее, на основании контраналогии, какие же это виды насилия, которым мы никогда не сопротивляемся и которые не подразумевают применение «противонасилия»?¹ Можно ли назвать последние насилием, или «насилием» можно считать только тот вид насилия или то количество силы, которое должно вызвать ответ, то есть «противонасилие»?

Существуют виды насилия, которые мы сносим, так как уверены, что в противном случае последуют гораздо более страшные виды насилия². Далее, существуют модифицированные и институционализированные виды насилия (так называемое институциональное насилие и, кроме того, невидимое, символическое насилие), которые стали невидимы и на которые мы никогда не отвечаем (эта тема *contre-violence* — одна из конструкций Этьенна Балибара, как и *convertibilite de la violence* или *conversion* и *institutionalisation de la violence*, о которых он часто говорит; во введении к одной из последних книг Марты Нусбаум упоминается

¹ Понятие противонасилия встречается очень редко. Его тематизирует только Гюнтер Андерс (Günther Anders), еще один убежденный пацифист, в книге *Gewalt — Ja oder Nein*, опубликованной в 1987 г. (Droemersch Verlaganstalt Th. Knaur, GmbH & Co KG, München). Противонасилие для Андерса является синонимом «легитимной обороны».

² Это главный аргумент Л.Н. Толстого против противостояния насилию или злу: «Кроме того, оправдание насилия, употребленного над ближним для защиты другого ближнего от худшего насилия, всегда неверно, потому что никогда при употреблении насилия против не совершившегося еще зла нельзя знать, какое зло будет больше — зло ли моего насилия, или того, от которого я хочу защищать» (см.: *Толстой Л.Н.* Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание). Или: «Если же целью человека является искоренение зла, то использование насилия в качестве главного средства в борьбе со злом может только увеличить, а не уменьшить зло» (см.: *Толстой Л.Н.* Путь жизни. С. 203).

похожая идея, которая также неприемлема)¹. Далее, мы никогда не отвечаем на «насилие победителя», то есть институт победы может «вычеркнуть» предшествующее ей насилие, или насилие, которое довело до победы². Существует также один вид применения силы, который также входит в круг дискуссий о насилии — «противонасилие», как предупредительная мера по отношению к насилию, которое еще не произошло, а также и «противонасилие», которое исправляет несправедливость и восстанавливает исходное положение дел и равновесие. Я полагаю, что это вымысел, потому что, когда мы насилием отвечаем на насилие, мы всегда стараемся ответить еще большим, преувеличенным насилием, чтобы именно так попытаться остановить дальнейшее насилие.

То, что меня сейчас прежде всего интересует — это временной и регулятивный аспекты «противонасилия». По определению, «противонасилие» всегда бывает или должно быть недолговечным, «быстрым» и должно содержать в себе элемент «против» (саморегуляцию), то есть некую способность самоограничиться и остановиться. Одним словом — отменить самое себя.

Если внутри некоей идеальной эпистемологической реконструкции милитаристского театра (во всяком случае, не только православного или русского) окажется, что пацифизм или воззвание к миру («стремление к миру любой ценой», Ф. Розенцвейг) существует у противника или нападающего (мир возникает, когда нападение или насилие заканчиваются), тогда прекращение насилия может проявиться в определенный момент, если (под условием, что) мы не ведем себя пассивно (Карсавин *бездействие* определяет как грех; *бездействие* есть отрицательное общественное действие).

Если мне сейчас надо как можно точнее определить этот тип поступка или принуждения, как *всегда минимальный ответ* на насилие как «противонасилие», который до нас дошел из русского языка и размышлений о силе и войне на этом языке и в этой традиции, тогда, конечно же, первый необходимый шаг — срочно и быстро оказать сопротивление. Я или мы должны противостоять другому или другим. Сама эта позиция сопротивления означает, что необходимо принять насилие другого (предупредительное насилие или война или «противонасилие» эпис-

¹ *Nussbaum M.* Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice. N.Y.: Oxford University Press, 2016.

² «Надо уничтожить этот город... (дело идет о городе Нанте). Будет достаточно времени быть людьми, когда мы победим» (Nous aurons le temps d'être humains lorsque nous serons vainqueurs) (Мари-Жан Еро д'Сешел, 1793).

темологически неправильно, потому что мы не знаем, нападут на нас или нет [Н. Putnam])¹ и срочно его остановить.

Как вытерпеть насилие другого? Затем, как остановить насилие другого или какая сила в нем может остановить его собственное насилие?

И. А. Ильин употребляет несколько глаголов — пресечь, заставить, понуждать, принудить — и так определяет формы этого «позиционирования себя напротив» нападения другого. Минимальный ответ на насилие в виде «противонасилия» должен был бы подразумевать несколько протоколов.

Первый и самый важный заключается в способности отличать силу от насилия («не всякое применение силы есть насилие», Лосский)². В книге «О сущности правосознания» (1956; гл. 14 «Аксиомы власти», с. 295–296) И. А. Ильин пишет о духовной правоте, как о какой-то таинственной силе, потому что власть как таковая есть волевая сила и правильная сила: «Власть есть прежде всего сила... Сущность жизни состоит в действии, и притом, в целесообразном действии; способность же к такому действию есть живая сила. ...В отличие от всякой физической силы, государственная власть есть волевая сила. ...«Меч» отнюдь не выражает сущность государственной власти. ...Власть есть сила воли... Первая аксиома власти гласит, что государственная власть не может подлежать никому, помимо правового полномочия»³.

А этот отрывок для нас особенно важен: *«Мало того, правосознание требует, чтобы самая власть воспринималась не как сила, порождающая право, но как полномочие, имеющее жизненное влияние (силу) только в меру своей правоты. Право рождается не от силы, но исключительно от права и в конечном счете всегда от естественного права. Это значит, что грубая сила, захватившая власть, будет создавать положительное право лишь в той мере, в какой правосознание людей согласится (под давлением каких бы то ни было соображений) признать ее уполномоченной силой»*⁴.

¹ «Если не знаем, тогда то, что мы делаем — неморально» (If we don't know, then what we are doing is immoral). См.: Putnam H. The Epistemology of Unjust War // Philosophy in an Age of Science / Ред. М. De Caro, D. Macarthur. Cambridge: Harvard University Press, 2012. P. 318.

² Г. К. Гинс в книге «Право и сила» (Харбин, 1929) настаивает на том, что сила и насилие не пересекаются. Насилие есть противозаконная сила (30). Интересно то, что в этой книге Л. Н. Толстой появляется только в главе «Анархисты и Ленин» (с. 18–21). С другой стороны, А. Снесарев в книге «Философия войны» (книга подготовлена к печати в 1930 году; М., 2013), в шестой главе («Война и государство») пытается на основании некоторых фрагментов Еллинека и Руссо исследовать результаты действия «грубой неразумной силы» (с. 222).

³ Ильин И. А. О сущности правосознания (1956). Гл. 14. Аксиомы власти // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 291–295.

⁴ Там же. С. 295–296.

Мне кажется, что Ильин именно в этом месте все еще недостаточно ясно показывает «асимметричную синонимию» власти и силы, о чем он писал в 1910 г.¹ Власть как сила не порождает право; это возможно только, если у власти есть «свое жизненное влияние», которое на самом деле есть сила «в меру своей правоты». Тот, кто находится в противостоянии, как раз и является той жизненной силой, которая, будучи правомерной (как власть), устанавливает право или порядок в «общественной жизни».

Затем, второе, ни насилие, ни «грубая сила» (а это синоним насилия) не порождают право. Это большое новшество в истории оправдания силы или насилия, которого нет в западных языках². Насилию нападения надо противостоять только таким способом, который подразумевает возможность установления права или порядка. Если книгу 1924 г. «О сопротивлении злу силою» читать в контексте раньше и позже напечатанных текстов Ильина о праве, тогда становится ясно, что право — основная регулятивная идея применения силы. Я сопротивляюсь насилию

¹ Текст И. А. Ильина «Понятия права и силы», написанный в 1910 г., определенно один из первых текстов на эту тему, автор переводит как «Die Begriffe von Recht und Macht» (Келсен в 1911 г. также печатает текст о Recht und Macht; может быть, под его влиянием Ильин и перевел силу как Macht). Macht обычно переводят как силу, мощь или иногда власть, тогда как немецкое слово, соответствующее значению Ильина, — это Kraft (Бенджамин в 1921 г. печатает текст о Recht и Gewalt [насилие]). Ильин принимает решение в пользу Macht, подчеркивая в введении, что «Macht ist hier als Artbegriff zu Kraft (entelechia) zu verstehen». Немецкая версия текста Ильина (Радбрух, похоже, был с ней ознакомлен, когда писал свою книгу Grundzüge der Rechtsphilosophie 1914 г.) не содержит один отрывок о власти и силе, который существует в русском оригинале. Ильин два раза повторяет, что власть — это сила, санкционированная правом (с. 40). Ильин пытается рассматривать право как силу и реальность силы, которая может дать реальную мощь праву. Ильин рассматривает отношение, или сопротивление, или, еще лучше, «сближение» этих двух терминов и на самом деле не может найти связь двух регистров, которые, хоть и являются комплементарными, не могут считаться со-принадлежащими. Право может быть силой, или общественной силой, но обратное не существует, и, похоже, сила не может уравниваться с правом.

² Огромное количество юристов писало короткие и длинные трактаты об отношении между правом и насилием (или силой). Некий Jacques Flach в тексте 1915 г. «Le droit de la force et la force de droit» (P.: Sirey, 1915) говорит об извращении права в Германии («la déviation de la justice») (7), возникшем еще при Бисмарке, который считал, что «сила предшествует праву» (la force prime le droit; Macht geht über Recht oder vor Recht) (15). Flach реконструирует немецкую поговорку о праве сильных подчинять себе слабых, то есть о преимуществе насилия над правом. Эта поговорка гласит «Eine Hand voll Gewalt ist besser als ein Sack voll Recht» («Лучше кулак, полный насилия, чем мешок, полный права») (19). Насилие делает право стабильным, постоянным, институциональным. В книге «La force et le droit» (P.: Felix Alcan, 1917) Рауль Энтони предлагает формулу (la formule), которая содержит три возможности: «la force fait, crée ou est le droit» (сила совершает, сила создает или сила права). Все эти тексты в каком-то смысле являются введением в исследование Э. Бродмана «Recht und Gewalt» (B.; Leipzig: Walter de Gruyter, 1921), так же как и в знаменитый текст У. Бенджамина, изданный в том же году.

в той мере, в которой становится возможным рождение права. В этом смысле сила становится «стимулом к развитию права»¹.

Третий протокол, который всегда поощряет право в применении силы и непрестанно очерчивает границу «противонасилия», входит в круг метафоры и метонимии (мне кажется, что его все же нельзя подвести под «религиозную фразеологию»). Это напутствия «и самый меч его становится огненной молитвою», и «да будет ваш меч молитвою и молитва ваша да будет мечом»². Они могут, без сомнения, повлиять на регуляцию сопротивления насилию и быстрое прекращение применения силы, хотя о них всегда сложно логически рассуждать.

Этот протокол стал актуальным, конечно же, в согласии с идеями Л.Н. Толстого о полном отказе от ответного насилия.

Глава 3. Война и мир, насилие и ненасилие в практиках мировых религий: история и современность

Феномены войны и мира, насилия и ненасилия стали неотъемлемой частью человеческой истории. Сакральные тексты буддизма, христианства и ислама содержат в себе огромный потенциал для становления мира на земле, однако история знает немало примеров религиозных войн, актов насилия и терроризма под религиозными лозунгами. Не прекращающиеся межэтнические и межконфессиональные конфликты, угроза международного терроризма под маской религии ислама, все это заставляет задуматься о роли религии в жизни общества в современном мире.

Прежде всего, следует обратиться к буддизму — самой ранней по времени возникновения религиозной традиции. В современной литературе посвященной исследованию религии и философии буддизма закрепился стереотип, что буддизм является самой миролюбивой религией. Однако история стран традиционного распространения буддизма свидетельствует о фактах религиозных и межэтнических войн, в которых буддисты убивали своих единоверцев на уровне воюющих государств или в ходе гражданских войн внутри одного буддийского государства.

Известно, что буддизм провозглашает ценность ахимсы — ненасилие, непричинение вреда живым существам. Следует отметить, что в истории индийских религий буддизм был не первым, кто провозгласил ненасилие одним из важных аспектов своего учения. Концепция ненасилия в индийской культуре нашла свое выражение в принципе ахимса (санскр. «не причинение вреда живым существам») — безусловный запрет убийства, а также причинения любого вреда (действием, словом, мыслью) всему живому. Содержание указанного принципа отражает идею родственности всего живого, которая составляет суть данной концепции. Следует отметить, что данная концепция является в Индии одной из черт национального характера.

Первое упоминание о ненасилии как моральной добродетели содержится Чхандогья-упанишада: «Далее, подвижничество, подаяние, честность, *ненасилие* (ахимса. — *Авт.*), правдивость — это его дары [жрецам]» (3.17.4)¹. Использованное здесь слово *ахимса* означает самопожертвова-

¹ Гинс Г. К. Право и сила. С. 44. Особенно интересен случай текста Т. Русьена «La force et le droit», написанный в 1915 г. и напечатанный в 1916 г. в Revue de metaphysique et de morale (Т. 22. № 6. С. 849–868) и комментарий Франка в тексте «Сила и право» (Русская мысль. 1916. № 1. С. 12–17). Критикуя немецкую философию и ее связь с войной, альянс силы и права (Macht geht vor Recht), которую считает скандалом для разума (scandale pour la raison) (852), Русьен подтверждает их ясную и необходимую взаимосвязь. Франк, наоборот, показывает, что голая сила, «поскольку она противопоставляется праву, есть самая бессильная вещь на свете» (15): «Истинная сила есть всегда сила права: ибо сила права, будучи духовной, тем отличается от голой силы, что всякое ослабления ее, всякое давление на нее вызывает новую реакцию правосознания, ведет к усилению права» (16).

² Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. С. 219.

¹ Упанишады: В 3 кн. Кн. 3. Чхандогья-упанишада (Памятники письменности Востока-VI) / Пер. с санскр., пред. и коммент. А. Я. Сыркина. М., 1992. С. 81.